

А. С. ПУЧЕНКОВ

**В. В. ШУЛЬГИН И ГАЗЕТА «КИЕВЛЯНИН»
В ПЕРИОД ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
(МАРТ 1917 – ОКТЯБРЬ 1917 г.)**

К 1917 г. «Киевлянин» был одной из крупнейших и влиятельнейших газет Юго-Западного края. Редактором этой газеты с 1913 г. был видный политик своего времени Василий Витальевич Шульгин (1878–1976), он же был автором большинства передовых статей «Киевлянина». Шульгин принял активное участие в Февральской революции, был членом Временного Комитета Государственной Думы. Ему же было суждено и принять текст отречения от престола из рук императора Николая II, а на следующий день присутствовать при отказе от принятия престола Государства Российского брата отрекшегося царя великого князя Михаила Александровича¹. Стоявший у истоков новой власти – Временного правительства – Шульгин не получил никаких официальных постов, сосредоточившись преимущественно на публицистической работе. В течение всех семи месяцев пребывания у власти Временного правительства Шульгин-публицист на страницах «Киевлянина» высказывал свою позицию по всем важнейшим событиям политической жизни: о кризисах Временного Правительства, возможности восстановления монархии и судьбе Романовых, деле Корнилова, природе большевизма и происхождению украинского сепаратизма... Несомненно, что Шульгин был не только самой известной в России фигурой в составе редакции «Киевлянина», но и одним из лучших журналистов своего времени.

Резонансной была статья Шульгина «Цари ушли», посвященная падению монархии. «Мысль отказывается охватить значение переживаемых событий. – Писал Шульгин читателям «Киевлянина». – Произошел неслыханный в истории человечества переворот – нечто сказочное, невероятное, невозможное. В течение двадцати четырех часов два государя отказались от престола. Династия Романовых, простояв триста лет во главе Государства Российского, сложила с себя власть, и, по роковому стечению обстоятельств,

¹ Подробнее см.: Пученков А. С. В. В. Шульгин и падение монархии в России // Величие и язвы Российской Империи. Международный научный сборник в честь 50-летия О. Р. Айрапетова. М., 2012. С. 399–410.

– первый и последний Царь этого рода носил одно и то же имя. Нечто глубоко мистическое в этом странном совпадении. Триста лет тому назад Михаил, первый русский Царь из Дома Романовых, вступил на престол, когда, раздираемая страшной смутой, Россия вся загорелась одним общим стремлением: – «Нужен Царь!» Михаилу же, последнему Царю – через триста лет пришлось услышать, как взбаламученные народные массы подняли к нему грозный крик: – «Не хотим Царя!»

И вот Цари ушли, призывая всех русских граждан подчиниться временному правительству, вступившему им на смену. Они ушли. Но что с нами? Что с Россией? Какой образ правления наступит? Не будем об этом говорить. Тяжкий молот судьбы потребовал проверки государственного устройства России, и пусть эта проверка в этом будущем учредительном собрании, которого требуют. А сейчас не будем задумываться над всем этим и временно признаем эту власть, что образовалась из сердцевины Государственной Думы. Другого выхода нет. Враг стоит у ворот России. Без власти, которой мы захотим подчиниться добровольно, с полным разумением того, что мы делаем, подчиниться искренно, до конца, – нам не спасти Россию от разгрома. Пусть все это необычно. Пусть все это страшно, оглушительно – ново. Не место удивляться. Не место пожимать плечами, когда величайшая страна, когда наша Родина на краю бездны. Если мы не за страх, а за совесть пойдём все вместе и мощно поддержим эту горсточку людей из Таврического дворца, которые имели мужество принять на себя страшное бремя, мы не только не спасем Россию – мы победим. Ничто не потеряно, ничто не разрушено из всего того, что необходимо для войны. Наоборот, мы приобрели то, чего нам не хватало: во главе России стоят теперь люди, которые ее любят»². Как видим, отношение к революции здесь вполне лояльное, примирительное. В те дни В. В. Шульгин считал, что русская революция – это «великое дело», так как именно в революции выразилось все «благородство и великодушные русской души»³. Не возражал Шульгин и против ареста бывшего императора Николая II и его семьи, считая, что эта мера «имеет целью с одной стороны прекратить толки о возможности реставрации, а с другой охранить бывшего Царя и его супругу от эксцессов»⁴. В первые месяцы после победы Февральской революции Шульгин пишет: «Часто меня спрашивают: «Вы монархист

² Киевлянин. 1917. 5 марта.

³ Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1917. 11 марта.

⁴ Там же.

или республиканец?» Я отвечаю: «Я – за победителей». Далее Шульгин обосновывал мысль о том, что победа в мировой войне приведет к установлению в России республики, «а монархия может возродиться только после ужасов поражения». «При таких условиях, – резюмировал В. В. Шульгин, – получается странное сочетание, когда искреннейшим монархистам, по всем склонностям и симпатиям, приходится молить Бога, чтобы у нас была республика»⁵. «Не все ли мне равно, будет ли Россия монархией или республикой, если в Киеве будет сидеть австрийский принц?» – вопрошал В. В. Шульгин читателей «Киевлянина»⁶. На частном заседании членов Государственной Думы 4 мая 1917, посвященном внешней политике России, В. В. Шульгин говорил, что лично он считает, что «для России республика есть какой-то сон», но «сейчас мы имеем фактически республиканское правительство. И я говорю, что если это республиканское правительство спасет Россию, я стану республиканцем»⁷.

Ради достижения победы в войне Шульгин выражал готовность пожертвовать даже монархией. Однако, вера в победу, одержанную при помощи революции, была у Василия Витальевича недолго. Шульгин проводил четкое разграничение между революцией номер один – революцией за Россию и революцией номер два – революцией за Германию. Последняя, по мнению Шульгина, подменила первую революцию второй и толкает страну к разжиганию гражданской войны и инстинктов классового эгоизма. Борьбу с «революцией номер два» Шульгин считал своим долгом, «и если это называется контрреволюцией, то мы ее делали и делать будем»⁸. Свое обещание Василий Витальевич сдержал.

Участие В. В. Шульгина в приеме отречения у двух императоров, его деятельность как комиссара ВКГД не изменила его отношение к революции. Шульгин органически не переносил самого вида революционной толпы, сам факт участия народа в политической жизни казался Василию Витальевичу абсурдом. В своей статье «Пусти, я сам!» в еженедельнике «Русская свобода», редактируемом П. Б. Струве, Н. А. Бердяевым и другими видными представителями русской культуры, Шульгин писал: «Когда о Константинополе и

⁵ Киевлянин. 1917. 16 апреля.

⁶ Киевлянин. 1917. 9 мая.

⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 22. Материалы частного совещания членов Государственной Думы от 4 мая 1917, касающиеся внешней политики России. Л. 26.

⁸ Киевлянин. 1917. 21 мая.

проливах рассуждают люди, никогда в глаза не видевшие географической карты, а таких в Российской державе шестьдесят процентов; когда о международных договорах говорят неграмотные в буквальном, а не переносном смысле этого слова; когда об исторических задачах трактуют ученые, которые из истории России знают только то, что отрекшийся император назывался Николаем и что при нем был «Старый прижим»; когда о государственном устройстве распространяются грамотеи, которые, на худой конец, допускают «республику с царем», – то чем это отличается от того положения, когда самого плохонького скрипача будет обучать игре на скрипке субъект, который не уверен, чем надо водить по струнам: волосом или деревом... Я видел одного маленького мальчика, который любил хвататься за непосильные для него дела и кричал при этом: «Пусти, я сам». Доказать ему, что он не может сделать «сам» нельзя было. Но когда он «сам» убеждался, что дело ему не по силам, он начинал плакать и тогда хныкал: «Ах, я же не могу». Сейчас русский народ подобен этому ребенку. Ему долго не давали ничего делать, и вот, получив свободу, он за все хватается и кричит: «Пусти, я сам». Он «сам» хочет решать вопросы войны и мира в каждой роте и полку, он «сам» хочет править, понимая под этим, что каждая улица имеет право сместить всероссийского министра, он «сам» хочет казнить воров и убийц собственными руками»⁹. Все же В. В. Шульгин выражал надежду, что скоро «среди бед и разрушений народ горько заплачет и скажет: «Ах, я же не могу»¹⁰. Свобода, вседозволенность на фоне растущего разложения армии вызывали у Василия Витальевича серьезную обеспокоенность: «Ужели русская свобода принесет нам немецкое рабство?» – вопрошал Шульгин читателей «Киевлянина»¹¹.

С самого начала В. В. Шульгин активно выступал в печати против установившегося двоевластия¹², поскольку, как полагал Василий Витальевич, «Существование двух правительств в одном государстве это такая нелепость, которой даже Россия не может себе позволить»¹³. Особенно ярко и талантливо это прозвучало у него в его выступлении 27 апреля 1917 года на торжест-

⁹ Шульгин В. «Пусти, я сам!» // Русская свобода. Еженедельник. № 7. С. 11.

¹⁰ Там же. С. 12.

¹¹ Киевлянин. 1917. 9 марта.

¹² «Совет рабочих и солдатских депутатов или должен сделать новый переворот – свергнуть временное правительство и стать на его место, или же предоставить правительству быть правительством», – писал В. В. Шульгин (Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1917. 29 марта).

¹³ Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1917. 31 марта.

венном заседании депутатов Государственной Думы всех четырех созывов. В этой речи, которую меньшевик Н. Н. Суханов охарактеризовал как «крик души»¹⁴, Шульгин первый из выступавших обратил внимание на то, что прошло ровно 2 месяца с тех пор, как в России произошел переворот. «И я не могу скрыть, что тяжкие сомнения обуревают многих. За эти два месяца большие завоевания получила Россия, получили различные народы, ее населяющие, но является и другая мысль, являются опасения и того, не заработала ли на этих двух месяцах и Германия? (голос: очень много). Мы видим, нам кажется порой, что наше военное положение сильно ухудшилось. Когда присматриваешься к тому, стараешься объяснить, отчего это происходит, добросовестно вдумываешься в это, то первое, на мой взгляд, по крайней мере, что бросается в глаза, это то, что то правительство, которое занимает сейчас скамьи перед нами, то правительство, которое мы считаем честным и даровитым, то правительство, которое мы хотели бы видеть облеченным всею полнотою власти, на самом деле ею не облечено, потому что оно, так сказать, взято под подозрение. Оно находится, конечно, не в том положении, как старая власть, которая сидит в Петропавловской крепости, но, я бы сказал, оно как бы сидит под домашним арестом. (Голоса: верно). К нему в некотором роде как бы поставлен часовой, которому сказано: «Видишь, они буржуи! А потому зорко смотри за ними и, в случае чего, – знай службу!»... правильно ли вы, гг., поступаете, когда ставите часового около этого правительства? Не лучше ли поискать других способов контроля»¹⁵. По аналогии со знаменитой речью П. Н. Милюкова, направленной против Б. В. Штюрмера («глупость или измена?») Шульгин проводил параллели между политикой правительства Николая II и политикой советов: «когда ... говорят: вы накануне того, чтобы рассориться с союзниками, у вас нет армии, у вас нет хлеба, а потому заключайте мир во что бы то ни стало, – вот это измена»¹⁶.

Все помыслы В. В. Шульгина в те дни были подчинены одной цели: удержанию России в войне, сохранение боеспособности ее армии. Ради этого Шульгин был готов поступиться и своими интересами, и своими политическими предпочтениями. Сам В. В. Шульгин писал позднее, что «Нашу тогдашнюю психологию ярко выразил Родзянко, председатель Государствен-

¹⁴ Суханов Н. Н. Записки о революции: В 3 т. Т. 2. Кн. 3–4. М., 1991. С. 136.

¹⁵ Стенографический отчет заседания членов Государственной Думы первого, второго, третьего и четвертого созывов 27 апреля 1917 г. Пг., 1917. С. 22.

¹⁶ Там же. С. 22.

ной Думы, в формуле РСРС: – Рубашку снимите, Россию спасите!»¹⁷. Шульгин говорил о том, что «если действительно она [социалистическая демократия. – А. П.] берется за спасение России, то буржуазия ей удара в спину не нанесет»¹⁸. Василий Витальевич отдавал себе отчет, что «если эта социалистическая демократия сейчас выведет Россию из этой страшной беды, она сделает такое дело, она выдержит такой экзамен, какого еще не было в истории мира. Ибо будет сделана проба социалистического государственного устройства. И я понимаю последствия и говорю: мы предпочитаем быть нищими, но нищими в своей стране. Если вы можете нам сохранить эту страну и спасти ее, раздевайте нас. Мы об этом плакать не будем...»¹⁹.

Каково было отношение Василия Витальевича к А. Ф. Керенскому, признанному герою первых дней революции? Шульгин много писал о Керенском²⁰. В 1917 г. Шульгин поначалу очень надеялся на то, что Керенский «окажется Наполеоном», ибо в этом случае оппозиции в лице большевиков «не стоит бороться. Наполеон [имеется в виду А. Ф. Керенский. – А. П.] раздавит их, как былинку»²¹. В другой своей передовице редактор «Киевлянина» писал: «Мы спасаем Россию, которую Керенский называет “революцией”. И несмотря на разницу в терминологии нам с ним по пути. И поэтому всеми нашими силами и прежде всего безусловным повиновением мы должны способствовать даровитому и сильному человеку, который хочет спасти нашу родину, как бы он ее, родину, ни называл»²². В тот момент В. В. Шульгин выступал за сильную, неограниченную власть, считая сосредоточение всей власти в руках одного лица единственной возможностью удержать страну от распада, армию – от разложения, а Россию – от поражения в войне.

Конфликт между Керенским и Корниловым вызвал у Шульгина поначалу неоднозначную реакцию. В. В. Шульгин рассчитывал, что, возможно, провал мятежа «разбудит власть» и приведет к установлению настоящей военной диктатуры. В противном случае Россию «раздавит подлинный диктатор Вильгельм»²³. В то же время с самого начала для В. В. Шульгина было

¹⁷ Шульгин В. В. Письма к русским эмигрантам. М., 1961. С. 9.

¹⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 22. Л. 26.

¹⁹ Там же.

²⁰ Подробнее см.: Пученков А. С. Александр Федорович Керенский в изображении Василия Витальевича Шульгина // Новый часовой. 2006. № 17–18. С. 254–257.

²¹ Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1917. 21 мая.

²² Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1917. 11 июля.

²³ Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1917. 29 августа.

очевидно, что мотивы выступления Л. Г. Корнилова «были исключительно патриотического свойства»²⁴. Про поведение Керенского в дни корниловского выступления Шульгин говорил, что А. Ф. Керенский «продал душу сатане, назвав генерала Корнилова, честного слугу Родине, изменником»²⁵. Позднее В. В. Шульгин охарактеризовал период пребывания правительства А. Ф. Керенского у власти одним словом – «распущенность»²⁶. «Керенский, – по словам В. В. Шульгина, – умел только говорить»²⁷. Этого в то время было явно недостаточно. В то же время В. В. Шульгин даже в эмиграции не раскаивался в том, что буржуазия изначально сделала на А. Ф. Керенского ставку, утверждая, что «Другого ведь не было. Остальные еще меньше годились. Керенский был единственно возможным. И как бы там ни было, своей пляской на гребне волны он дал нам передышку на несколько месяцев...»²⁸. Изменение отношения Шульгина к А. Ф. Керенскому на протяжении 1917 года, а в особенности после корниловского мятежа, как нельзя лучше иллюстрирует снижение популярности Керенского в глазах буржуазии.

Фактически на этом политическая деятельность В. В. Шульгина в период Временного правительства закончилась. Правда, на состоявшемся в Москве совещании общественных деятелей В. В. Шульгин был избран представителем этого совещания в так называемый Предпарламент²⁹, но участвовать в нем отказался (как и М. В. Родзянко. – А. П.), поскольку считал «образование Совета Республики незаконным, так как до Учредительного Собрания Временное Правительство не имело права, по его мнению, провозглашать республиканский строй и потому не могло издавать постановления и о созыве Совета Республики»³⁰. В своих статьях Шульгин неоднократно высказывался и против узурпации Временным правительством прерогатив будущего Учредительного Собрания, которое одно и было полномочно, как полагал Василий Витальевич, решать вопрос о форме государственного устройства России³¹. 11 октября 1917 года в «Киевлянине» было опубликовано программное заявление В. В. Шульгина, провозглашавшее, в частности, следующее: «Бу-

²⁴ Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1917. 3 сентября.

²⁵ Шульгин В. Крики отчаяния // Киевлянин. 1918. 6 января.

²⁶ Шульгин В. В. Три столицы. М., 1991. С. 214.

²⁷ Он же. Русский Совет // Русская газета. Париж, 1924. 18 мая.

²⁸ Шульгин В. Керенский // Новое время. Белград, 1924. 9 марта.

²⁹ Во Временном правительстве // Речь. 1917. 29 сентября.

³⁰ Накануне открытия Совета республики // Речь. 1917. 7 октября.

³¹ Передовая В. Шульгина // Киевлянин. 1917. 5 сентября.

дучи монархистом, я однако подчинюсь воле русского народа в том случае, если эта воля будет выражена сколько-нибудь непререкаемым способом...волей народа придется считать решения Учредительного собрания, если выборы пройдут без особых насилий. Но республику, установленную узурпаторским способом вопреки торжественным обещаниям, каждый волен признавать или нет, – я не признаю!» – писал В. В. Шульгин³². Впрочем, сомневался В. В. Шульгин и в пользу созыва Учредительного Собрания. «Перед Россией в настоящее время одна задача: восстановить армию и кончить войну без позора и без измены. Может ли этому помочь Учредительное собрание?», – иронизировал В. В. Шульгин³³. Крушение Временного правительства Шульгин осенью 1917 года считал неизбежным, о чем неоднократно заявлял в печати. «Никакие ухищрения вправо, влево, «коалиционные», «однородные», под рукою Александра Федоровича или супротив его – ничего не помогут, пока не будет излечена самая болезнь, мозговое поветрие, массовый психоз, в котором мы пребываем», – утверждал Василий Витальевич³⁴.

Революция в России стала проводить линию на сепаратный мир с Германией, на предательство союзников. Это для В. В. Шульгина было неприемлемо. Как следствие, Шульгин занимает резко враждебную позицию к революции и со всем тем, что он считал ее проявлениями. Вместе с тем указанные моменты не мешали Шульгину более глубоко, чем другим представителям антибольшевистского лагеря, осмысливать причины, породившие революционный кризис. После падения Временного правительства Шульгин встал в ряды активных борцов с Советской властью, одним из первых записавшись в ряды Добровольческой армии, но этот сюжет уже выходит за рамки нашей статьи.

³² Заявление В. В. Шульгина //Киевлянин. 1917. 11 октября.

³³ Передовая В. Шульгина //Киевлянин. 1917. 15 октября.

³⁴ Передовая В. Шульгина //Киевлянин. 1917. 23 сентября.